

Образ «чистой красоты» в художественном мире романа Ф. М. Достоевского «Идиот» как нравственная проблематика Пархоменко А. Д.

*Пархоменко Александра Дмитриевна / Parkhomenko Aleksandra Dmitrievna – студент,
историко-филологический факультет,
Ставропольский государственный педагогический институт, г. Ставрополь*

Аннотация: в статье анализируются отношение к красоте писателя Ф. М. Достоевского в романе «Идиот», взаимоотношения князя Мышкина с Аглаей Епанчиной и Настасьей Филипповной.

Ключевые слова: красота, высоконравственный, идеал, человек.

Ф. М. Достоевский – величайший из художников и мыслителей. На протяжении всей своей жизни он искал ответы на самые важные вопросы человеческого бытия. «Вечными предметами раздумий Достоевского и его героев, по наблюдению М. Бабовича, были природа и судьба добра и красоты в мире, которые были для них явлениями не только эстетического, но и этического порядка».

Самым главным лейтмотивом творчества писателя можно назвать трагедию красоты, от самых первых романов и до последних произведений. Красота физическая, духовная, нравственная и интеллектуальная выполняет важную роль в реализации идейно-художественного замысла в каждом произведении Ф. М. Достоевского.

В данной статье будет приведен анализ красоты внешней и внутренней на основе двух женских образов из романа «Идиот»: Аглаи Епанчиной и Настасьи Филипповны.

В то время когда Аглая Епанчина после долгой разлуки в первый раз сталкивается с князем Мышкиным на даче, которую тот снимал у Лебедева в Павловске, она наполовину в шутку, наполовину серьезно читает перед ним и его знакомыми стихотворение А.С. Пушкина «Жил на свете рыцарь бедный...». Если сопоставить прочтенные героиней строки с полным текстом пушкинской баллады, то можно заметить, что она не упомянула моменты, где прямо рассказывается о влюбленности рыцаря в «Марию деву, Матерь Господа Христа».

Сама Аглая по-своему интерпретирует пушкинское произведение: «Там, в стихах этих, не сказано, в чем, собственно, состоял идеал «рыцаря бедного», только видно, что это был какой-то ясный образ, «образ чистой красоты», и влюбленный рыцарь вместо шарфа даже четки себе повязал на шею». Дальше в объяснении Аглаи возникает вместо идеала Богородицы некая «женщина», относительно которой «рыцарю бедному» «уже все равно», кем бы она ни была и что бы она ни устроила: «...если б она потом хоть воровкой была, то он все-таки обязан был ей верить и за ее чистую красоту копыя ломать» [т. 8, с. 207].

Слов «образ чистой красоты» в стихотворении «Жил на свете рыцарь бедный... » нет, однако схожее представление – «гений чистой красоты» – встречается в ином пушкинском шедевре, «Я помню чудное мгновенье...», посвященном А. П. Керн, конкретной даме, с которой автора связывали вполне земные чувства.

Вполне понятно, что в причудливо совмещенных художественных образах Аглая желала проявить близкое понимание главной романной коллизии – отношений князя Мышкина и Настасьи Филипповны.

«Образ чистой красоты», который князь заметил в «падшей» даме, бывшей наложнице обеспеченного помещика Тоцкого, имеет такое же религиозное почтение, как и отношение пушкинского «рыцаря бедного» к «пречистой», «пресвятой» Марии. Обожествление обыкновенной земной женщины, пускай и красавицы, – это знак гуманистической эпохи Нового времени (XVII - XIX веков), дистанцировавшейся от церкви. «Мерой всех вещей» становится простой человек в своей земной природе. Переосмыслиется и сам образ Христа, которого теперь часто понимают как безупречного, совершенного человека, лишённого божественной природы. Таков, по замыслу Ф. М. Достоевского, «положительно прекрасный человек» Мышкин, «Князь Христос» [т. 9, с. 253]. Иными словами, сущность такого мировоззрения состоит в признании некоего образца независимой от Бога «человечности», в котором добро, правда и красота объединяются в неразрывном, органическом единстве.

С таким представлением Ф. М. Достоевский не хотел окончательно расставаться практически всю жизнь – через девять лет после «Идиота» в «Сне смешного человека» он писал, что «люди могут быть прекрасны и счастливы, не утратив при этом возможности существовать на земле» [т. 25, с. 118].

По данной логике, не что иное, как несправедливое социальное устройство, принудив Настасью Филипповну к унижительной роли содержанки, изуродовало ее душу, разрушило изначальную, естественную гармонию ее личности. Но вернуть утраченное единство добра, правды и красоты в душе Настасьи Филипповны, наверное, вполне под силу безупречному человеку, каковым и считается, по первоначальному плану автора, прибывший в Петербург из Швейцарии князь Мышкин. Не случайно в романе подчеркивается, что он длительное время жил на родине Ж.-Ж. Руссо, французского мыслителя

XVIII века, утверждавшего, что человеческая натура добра, мудра и великолепна сама по себе, в собственном земном состоянии, и портится лишь под воздействием «отвратительной социальности». Руссо, по сути, опровергал христианское учение о первородном грехе и его последствиях для человека, который стал игрушкой в руках сатаны. По его мысли, не тронутый цивилизацией «естественный человек», схожий с Мышкиным до приезда в Россию, и есть настоящий эталон «человечности», не нуждающийся в преобразении с помощью священной силы. Вспомним, как в ответ на реплику одной из старших сестер Аглаи, Аделаиды, князь подмечает: «я действительно, пожалуй, философ, и кто знает, может, и в самом деле мысль имею поучать...» [т. 8, с. 31]. А чуть позднее, в той же беседе в гостиной Епанчиных, признается в думах о своей способности прожить жизнь «разумнее всех» [т. 8, с. 53]. Создается ощущение, что герой ощущает предназначение для некоей миссии.

Так же становится понятным, почему при завязке романного действия, глядя на портрет Настасьи Филипповны и дивясь ее ослепительной красоте, князь Мышкин восклицает: «Ах, кабы добра! Все было бы спасено!» [т. 8, с. 32]. Ведь «сладостная мечта», о которой сказал Пушкин в «Рыцаре бедном», в представлении героев романа, той же Аглаи, – это «восстановить и воскресить человека» [т. 9, с. 264]. Именно с такой целью Мышкин дает свою руку Настасье Филипповне в первый же день знакомства. Гуманистическая «истина», соединясь с прекрасной внешностью и добром, воссоздаст в прежней куртизанке «образ чистой красоты». Красота телесная в сочетании с красотой высоконравственной «спасет мир», потому что, как писал Ф.М. Достоевский еще в заметке 1861 года, она «присуща всему здоровому», является «необходимой потребностью организма человеческого» [т. 18, с. 94].

В процессе работы над романом писатель существенно отошел от первоначального замысла. В романе возникает «гениальная фигура» [т. 9, с. 253] Лебедева, мелкого дельца-мошенника, интригана и в то же время глубочайшего философа-парадоксалиста, толкователя Апокалипсиса. Именно он высказывает главные для предстоящего понимания основных образов «Идиота» идеи: «...закон саморазрушения и закон самосохранения одинаково сильны в человечестве», «дьявол... владычествует человечеством до предела времен, еще нам неведомого», «ослабели, ... помutilись источники жизни» в «наш век пароходов и железных дорог» [т. 8, с. 311, 315].

Из сюжета становится понятным, что в судьбе Настасьи Филипповны работает «закон саморазрушения»; в ее лице красота не торопится сочетаться с истиной и добром, хотя имеет возможности для этого. Переформулировать.

Во-первых, при ближайшем рассмотрении трудно назвать героиню жертвой общественной несправедливости: в 1860-е годы в интеллигентных кругах России было актуально жениться на «вольной в своём выборе» женщине и считалось «передовым» поступком. Не смотря на это, героиня вполне имела возможность бы отказаться от шикарной жизни на средства влюбленных богачей, если уж так тяготилась собственной «продажностью», и жить без помощи других, скромной трудящейся жизнью. Зло, но, по сути, справедливо бросает ей Аглая: «Захотела быть честною, так в прачки бы шла» [т. 8, с. 473]. В конце концов, еще в начале произведения у нее возникает возможность выйти замуж за только что получившего большее имущество князя Мышкина, горящего желанием искупить ее прошлые страдания искренним уважением и преданной любовью.

Но Настасья Филипповна уезжает с купцом Рогожиным, а потом в течение всего романного действия, мечется между двумя героями, доводя их до умопомрачения.

Отлично понимая, что собственническая страсть Рогожина угрожает ей смертью, она, тем не менее, в следующий раз убегает в подвенечном платье от Мышкина и фактически сознательно идет под нож измученного ревностью Парфена.

Ею движет «бесовская гордость» [т. 8, с. 482], никак не дающая принять сострадание Мышкина. Потому и не может состояться гуманистическое «воскресение» Настасьи Филипповны, ее «возвращение» к «образу чистой красоты» (каковым она, по-видимому, ни разу и не являлась). В одной из последних сцен романа, перед несостоявшимся венчанием героини с князем, собравшуюся у здания толпу поражает ее «инфернальная», демоническая красота: она вышла «бледная, как платочек; однако огромные черные глаза ее блистали, как раскаленные угли» [т. 8, с. 493]. «Жалость» к Настасье Филипповне заменяется у Мышкина «страхом» перед ней: «я опасюсь ее лица» [т. 8, с. 494].

В подготовительных материалах к «Идиоту» автор записал: «Сострадание – все христианство» [т. 9, с. 270]. Но перед христианством он тут понимал никак не почти двухтысячелетнее церковно-евангельское учение, а опиравшееся на мысли Руссо современное ему «розовое» христианство социалистов-утопистов, во главе с гуманистическим Христом, который опять приходит в мир бороться за земную справедливость.

В процессе работы над романом художественная логика приводит Ф. М. Достоевского к убеждению, что природа человека глубже гуманистических «желаний»: «бесовство» не укротить человеческой «жалостью», а внутреннюю дьяволом тягу к смерти – оптимальными доводами. Сострадание бессильно по отношению к Настасье Филипповне. Христианство не может быть сведено к одной «жалости»: Мышкин не «воскресил» героиню ни духовно, ни общественно. В мире, лежащем во зле, в том числе и

«положительно прекрасный человек» своими силами не способен «избавить» другого человека от зла, не может противостоять дьяволу в отсутствии Божьей поддержки.

Но присутствия Бога в данном произведении Ф.М. Достоевского не ощущается. Никто из главных героев не ходит в храм и не молится. Мы не встречаем в романе ни одного духовного лица. При этом явно чувствуется воздействие на персонажей «великого и грозного» «нечистого духа» [т. 8, с. 311], перед которым все они беспомощны.

Мысль же романа «Идиот», по признанию писателя, «практически порвалась» [т. 28, кн. 2, с. 321], потому что гуманистический Христос оказался несостоятельным в деле «спасения» красоты от «бесовства».

Любопытно, что знаменитые слова о красоте, которая «спасет мир», проходят в «Идиоте» как бы через тройной фильтр. С одной стороны, данная мысль первоначально была близка автору, потому что прозвучала еще в подготовительных материалах к роману: «Мир красотой спасется» [т. 9, с. 222]. Потом ее говорит еще не отчаявшийся в действительности «сострадания» Мышкин. На страницах романа она в первый раз и единожды возникает в ироничных речах «инфернального» героя Ипполита, именующего данную идею князя «игривой». К тому времени Мышкин уже заменил «жалость» по отношению к Настасье Филипповне на «ужас» и на каверзный вопрос Ипполита: «Какая красота спасет мир?» – не сумел ответить ничего...

Красота не может сама по себе «спасти» мир – к такому неожиданному для себя выводу приходит Ф. М. Достоевский в своем романе. Один из признаков творения – красота сама нуждается в «спасении» с помощью добра и правды, но никак гуманистических, а обладающих священной силой противостоять врагу человеческого рода. Гармония добра, правды и красоты может быть достигнута лишь в Боге, а никак не в мирском идеале «человечности». А значит, «образ чистой красоты» оказывается утопией.

Это подтверждает и романная судьба другой необыкновенной красавицы «Идиота» – Аглаи Епанчиной. В отличие от Настасьи Филипповны, она «добропорядочная» женщина – генеральская дочь, блестящая невеста, окруженная любящей семьей и почтительными искателями ее руки. Князь Мышкин издали считает Аглаю «светом»; не знакомая с ней лично Настасья Филипповна пишет ей восхищенные послания: «вы... совершенство», «вы невинны» (то есть лишены греха) [т. 8, с. 379-380]. Один из поклонников именуется ее «божественной девушкой» [т. 8, с. 482].

Но в оценке близко знающей ее матери Аглая – «злая», «самовольная», «фантастическая», «сумасшедшая» [т. 8, с. 271, 273], а для отца она – «хладнокровный бесенок» [т. 8, с. 298]. Интересно, что те же самые определения непрерывно сопутствуют на страницах романа Настасье Филипповне.

По мере развития сюжета, сближаясь с младшей Епанчиной, Мышкин подмечает в ней все больше «неясного», «нетерпеливого», «своенравного» [т. 8, с. 434]. Пораженный ее ревнивой ненавистью к Настасье Филипповне, он говорит, с болью теряя в Аглае собственный идеал: «Вы не можете так чувствовать...» [т. 8, с. 364]. Когда же героиня проявляет настоящие черты характера, он радуется: «Ах, как вы великолепно можете быть...» [т. 8, с. 436]. К концу романа князь относится к Аглае практически так же, как и к ее сопернице, нарекая «безумной» и «ужасаясь иным взглядом ее в последнее время, другим словам» [т. 8, с. 467]. В сцене свидания двух дам, в которой приняли участие Мышкин и Рогожин, Аглая показывает «почти беспредельную горделивость», «ужасное наслаждение мщения», «неизъяснимое высокомерие». «И я ее за ангела почитала!» [т. 8, с. 473] – могли бы посетовать вместе с Настасьей Филипповной все остальные персонажи.

Получается, что «образ чистой красоты» был в Аглае иллюзией; кроме разрушительных страстей, поднимающихся из глубин ее существа, ничто – практически никакая социальная несправедливость либо одиночество, как в случае с Настасьей Филипповной, – не может разьяснить «бесовского нрава» «гордой дамы» [т. 8, с. 298, 473].

«Положительно прекрасный человек» и здесь оказался бессильным спасти красоту из демонического плена. Свадьба с Аглаей не состоялась, как и свадьба с Настасьей Филипповной. Первая девушка, исходя из авторской системы ценностей, погибла духовно, оторвавшись от России и став куклой в руках польского проходимца-католика. Вторая, уже прекрасная из женщин, зарезана одержимым ревнивцем. Сам «Князь Христос» ушел от мира в неизлечимую душевную болезнь.

В мире без Бога судьба красоты ужасна, утверждает Ф. М. Достоевский в своем романе: с неизбежностью становится она инструментом «нечистого духа».

В последующих произведениях романист развивает тему красоты, обращается к теме красоты преимущественно в религиозно-философском ключе. И все же отблески былого, гуманистического, понимания красоты сохраняются у Ф. М. Достоевского до конца его творческого пути.

Литература

1. Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: В 30 т. Л.: Наука, 1972 - 1990.